

УДК 93/94

UDC 93/94

**К ВОПРОСУ О ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ
ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА В 1953-1990 гг. (НА
МАТЕРИАЛАХ КУБАНИ)**

**SPIRITUAL AND MORAL EVOLUTION OF
THE RUSSIAN PEASANTRY IN
THE YEARS 1953-1990. (ON THE
MATERIALS OF KUBAN REGION)**

Масюков Николай Александрович
к.п.н., доцент
*Институт международного права, экономики,
гуманитарных наук и управления им. К.В.
Россинского, Краснодар, Россия*

Masjukov Nikolaj Aleksandrovich
Cand.Ped.Sci., associate professor
*Institute of International Law, economics,
humanities and management of KV Rossinsky,
Krasnodar, Russia*

В статье исследуются процессы трансформации традиционной духовной и общественно-политической культуры сельского населения Кубани в условиях социалистической модернизации 1950-1980-х годов

The article investigates the processes of transformation of the traditional spiritual and socio-political culture of the rural population of the Kuban in the socialist modernization time in 1950-1980's

Ключевые слова: ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА
КРЕСТЬЯНСТВА, КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО,
ГРАЖДАНСКИЕ ЦЕННОСТИ

Keywords: SPIRITUAL CULTURE OF
PEASANTRY, KUBAN COSSACKS, CIVIC
VALUES

Обращаясь к анализу процессов эволюции российского общества в XX столетии, следует в первую очередь учитывать, что определяющее влияние на них оказало то радикальное обновление жизни страны, которое было связано с революционными событиями 1917 года. Их следствием стало формирование элементов тоталитаризма, становление системы, допускавшей возможность нарушения международных стандартов прав человека, проведение массовых необоснованных политических репрессий. Торжество крайних форм подавления гражданской инициативы оказало негативное влияние на различные стороны жизни российского общества, деформировало его духовный облик. Возможность модернизации, реорганизации, реформирования общественно-политической системы, расширения подлинной демократии реально возникла лишь после смерти Сталина, официальной критики культа личности, признания недопустимости нарушения прав человека. На волне десталинизации произошло известное раскрепощение культурных процессов, появилась возможность более свободного самовыражения. В итоге, начавшийся в

1953 г. период оказался связанным с общим изменением условий политической, культурной, духовной жизни советского общества.

Важно видеть, что обновление советского общества изначально обратило наибольшее внимание на проблему диалектической взаимосвязи политических, духовных и материальной процессов.

Прежде всего, интерес современников привлекли вопросы социально-экономического плана. В частности, в одной из записок, подготовленной под влиянием решений XX съезда для ЦК КПСС главным редактором журнала «Вопросы истории» А. Панкратовой, говорилось: «В чем материальная основа культа личности? Может быть в монопольном положении промышленности и сельского хозяйства, не испытывающих никакой конкуренции и поэтому не имеющих внешних стимулов для совершенствования? Отсюда - любое состояние может быть признано наилучшим» [1].

Такие высказывания не являлись единичными. Об этом красноречиво свидетельствуют письма интеллигенции, а том числе, сельской, в редакции центральных партийных журналов. Так, в одном из писем, направленных в научно-теоретический орган КПСС журнал «Коммунист», Я. Соколов и И. Билык задавались вопросом: можно ли утверждать, что наша социалистическая действительность, идущая к коммунизму, уже избавилась от принудительного характера труда? И сами давали отрицательный ответ. Аргументируя свою позицию, авторы писали: «...трудно поверить, что крестьянам предоставлена свобода трудиться, отдыхать. Если посмотреть на их бытовые условия жизни, которые к нашему съезду отвратительны, то становится сразу ясным, что в колхозах для крестьян-тружеников нет свободного дыхания жизни» [2]. Заметим, что эти слова были написаны спустя всего несколько лет после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, который был широко

рекламирован как исторический в деле возрождения сельского хозяйства страны.

Несомненно, что перед нами понимание проблем советского общества неизмеримо более глубокое и реальное, в отличие от официальной идеологии. В то же время, оно в известной степени оставалось скованным традиционными рамками экономического детерминизма, ориентированным на признание приоритета материальных факторов, по сути, определявших и понимание процессов духовных.

Подобные настроения еще более усилились и получили распространение в широких общественных кругах с конца 1950-х годов, когда стали падать темпы роста экономики страны, уменьшилась валовая продукция промышленности. В кризисном состоянии в это время оказалось и сельское хозяйство. Массовый забой скота привел к резкому сокращению его поголовья, а целина не могла решить задачу стабильного обеспечения населения хлебом. В то же время, предпринятое Н. Хрущевым под влиянием идеологических догм дальнейшее «раскрестьянивание» села, связанное с ликвидацией мелкого крестьянского хозяйства, лишило страну важнейшего источника поступления продовольствия. Эту проблему СССР в полной мере ощутил в 1962-1963 гг., когда пришлось обратиться к практике закупки хлеба за границей (с 1963 г.).

Указанные процессы не могли не сказаться на настроениях в российской деревне. Однако помимо общей констатации негативного восприятия крестьянством аграрных реформ рубежа 1950-1960-х годов, прежде всего, курса на усиление процессов обобществления, исследование данной проблемы дает и сегодня довольно мало свежих идей, имеет ряд сложностей. В принципе, здесь играют свою роль объективные факторы. В частности, документы, на которые вынуждены сегодня опираться исследователи при анализе проблемы, носят преимущественно

официальный характер и отражают не взгляды и настроения крестьянства, а организационно-массовую работу партийного и советского аппарата. Как это не парадоксально, в распоряжении историков имеется гораздо больше «крестьянских» документов, относящихся к доколхозному периоду, чем к событиям 1950-1980-х годов [3].

В данной связи, считаем возможным особо выделить ряд существенных моментов крестьянской жизни, характеризующих эволюцию этого социального слоя в послевоенный период.

Прежде всего, на волне известного раскрепощения советского общества, в это время наметилось довольно существенное смещение центра духовной жизни крестьянства в сферу нового пересмотра отношения к собственности и труду. При этом, на наш взгляд, главной проблемой сельской жизни на долгое время становится незримая, но упорная борьба за поднятие уровня жизни. Само по себе – это очень серьезная задача, которая ставилась и в партийных документах. Однако полагаем, что здесь важно видеть именно встречное движение - массовую крестьянскую составляющую. Иными словами, на определенном этапе, особенно на фоне максимальной идеологизации жизни населения страны, для массы крестьянства она становится, по сути, единственно по-настоящему содержательной.

Безусловно, это объяснимое и понятное стремление к преодолению многолетней бедности, неустроенности, в основе своей было позитивным. Вместе с тем, нельзя не признать, что оно не только все более диссонировало с формальными официальными ценностями, но и стало вытеснять традиционные духовные ценности. В частности, на это своевременно указали писатели – деревенщики, практически сразу интуитивно осознавшие грозившую селу опасность перерождения. Однако для них, как, впрочем, и для массы крестьянства, главным осталось все же стремление к обновлению деревенской жизни на основе существующего

строю. Мировоззрение российского крестьянства, находившее отражение в творчестве наиболее думающих писателей, основывалось на безусловной и несколько наивной вере в возможность последовательного, осмысленного улучшения сельской жизни усилиями действующей власти, в том числе, правящей партии.

В частности, характер восприятия данной проблемы хорошо виден на примере творчества В. Овечкина (который, кстати, не скрывал, что своими публицистическими выступлениями пытался подталкивать политическое руководство к принятию нужных решений). Автор «Районных будней» неоднократно возвращался к вопросу об администрировании над селом. Так в 1956 г. в январском номере «Нового мира» появилась статья писателя «Об инициативе и талантах», в которой, в частности, затрагивался актуальный тогда вопрос о партийной и хозяйственной работе. Автор не сомневался в том, что партийный работник сельского района обязан глубоко знать производство. «Но все равно, - писал В.Овечкин, - подменять хозяйственников он не должен. Если направить весь партийный аппарат района «уполномоченными на уборочные и посевные агрегаты ... все равно не хватит сил» [4]. При этом главная задача партийного работника, по убеждению В. Овечкина, состояла в воспитании людей.

К сожалению, это было лишь ремейком традиционной веры в доброго царя. На деле ситуация, связанная с оторванностью власти от массы крестьян, оставалась хронически стабильной. Глубоко и даже трагически переживая то, что она не меняется к лучшему [5], В. Овечкин, тем не менее, до конца продолжал искать выход в рамках организационно-партийной парадигмы. Бесспорно то, что во взглядах писателя на рассматриваемую проблему содержалась «завязь демократического мышления» [6].

Кстати, к середине 1960-х гг. стало вполне заметным и целое направление экономической мысли, отстаивавшее интересы крестьян, прежде всего, права колхозов на хозяйственную самостоятельность. Правда, в работах В. Венжера, Г. Лисичкина, П. Гужвина и других экономистов негативное отношение к системе административного диктата высказывалась косвенно, путем подчеркивания необходимости раскрытия кооперативной сущности сельхозартелей [7]. Личный интерес крестьянина, как правило, по-прежнему учитывались ими слабо.

В целом, «завязь» демократических идей даже у видных мыслителей своего времени лишь зарождалась. Для массы крестьянства подобной проблемы, на наш взгляд, не существовало вовсе. В политическом плане оно оставалось индифферентным. Соответственно, стремление к общественной самореализации, как элементу духовной жизни, на общую культуру российского крестьянства оказывало незначительное влияние. Скорее оно воспринималось как элемент общей лояльности власти.

В свою очередь, последняя ориентировалась на расширение партийного влияния в колхозах и совхозах. Прежде всего, оно шло путем последовательного наращивания прослойки коммунистов в деревне. Причем уже в соответствии с решениями сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК, XX съезда КПСС больше внимания стало уделяться отбору в партию рядовых колхозников и рабочих совхозов. Как следствие, уже в конце 1950-х гг. партийные организации имелись во всех без исключения колхозах. При этом, хотя общая численность членов КПСС на селе в 1954-1965 гг. сократилась с 3 миллионов человек, до 2 млн. 163 тысяч [8], следует иметь в виду, что это сокращение не затронуло сельские производственные коллективы. Наоборот, в колхозах и совхозах наблюдался рост численности коммунистов.

Увеличение численности колхозников и рабочих совхозов в рядах КПСС, как было принято считать, свидетельствовало о росте общественно-

политической активности тружеников села. В многочисленных публикациях 60-80-х гг., посвященных деятельности сельских партийных организаций, при помощи набора стандартных примеров показывалось, как правильно поставленная массово-политическая работа сельских коммунистов прямым образом влияла на хозяйственные результаты в колхозах и совхозах.

Однако на деле все обстояло совершенно иначе. Рожденные партийным аппаратом «почины» и «инициативы» выдавались за творчество масс и тиражировались на районы и области. Как следствие, отчужденность официально-протокольной партийной жизни от людей и их повседневных нужд по-прежнему сохранялась. В таких условиях в сознании и поведении сельских коммунистов, особенно по мере роста их образовательного и общекультурного уровня, закреплялась двойная мораль. С одной стороны, они «горячо поддерживали» властные инициативы, а с другой - в высказываниях сельских коммунистов все чаще сквозило скептическое отношение к агитационным кампаниям, совещаниям, слетам и т.п. В документах встречаются, например, сетования руководителей хозяйств на то, что такого рода ритуальные мероприятия отнимают много времени, вредят делу.

Пожалуй, в наибольшей степени традиции бюрократической показухи, шумихи и парадности характеризовали социалистическое соревнование. Вторая половина 50-х начало 80-х гг. явились временем нарастания пропагандистского пафоса вокруг соцсоревнования. В частности, в конце 1958 г. вслед за промышленностью в сельском хозяйстве возникло так называемое движение за коммунистическое отношение к труду, квалифицированное как высшая форма социалистического соревнования.

Преобразование соревнования в самоцель, его подчиненность кабинетной, административной логике весьма характерно отражалось на

страницах партийной печати. Журнал «Коммунист», например, в 1964 г. по поводу организации соревнования в Краснодарском крае отмечал следующее: «Некоторые колхозники имеют очень хорошие экономические показатели, люди живут зажиточно, а до последнего времени не соревнуются за коммунистический труд. Виноваты в этом руководители, которые не хотят брать на себя дополнительные хлопоты» [9].

Итак, официальная позиция состояла в том, что рост благосостояния крестьян сопряжен с их духовным перерождением на основе коммунистического отношения к труду. На деле он зачастую основывался совершенно на иных побудительных мотивах. Коммунистическое отношение к труду, в принципе, являлось фантомом, «воспитательным» элементом. Гораздо важнее, на наш взгляд, было обеспечение связи производительности (количества и качества) труда с его вознаграждением. В данной связи заметим, что, отрицая традиции парадности, шумихи, идеологизации, нельзя умалять трудовой вклад крестьянства 50-80-х гг. в развитие страны. Было бы нелепо принижать трудовой подвиг А.В.Гиталова, Н.Ф.Мануковского, Е.А.Долинюка, Е.П.Сапунова, В. А. Светличного и многих других сельских тружеников лишь на том основании, что их имена в свое время попали в оборот партийной пропаганды. Вместе с тем, нельзя не видеть и того, что излишняя идеологизация трудовой сферы на основе довольно упрощенной пропаганды также дезориентировала сельский социум.

Среди реальных проблем, получивших слабое отражение в современной литературе, в прессе, отметим и известную приниженность крестьянина как труженика, сохранение различных форм внеэкономического принуждения.

В частности, укажем на негативное влияние партийных органов на совершенствование внутриколхозных отношений. В 1956 году, как известно, в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров

СССР колхозники получили право самостоятельно вносить поправки, изменения и дополнения в уставы сельхозартелей [10]. Однако «подлинным творением всей массы колхозников» уставы так и не стали. Прежде всего, само партийно-правительственное постановление определяло четкие параметры, по которым колхозникам рекомендовалось вносить изменения. Нельзя забывать и того, что уставы колхозов проходили через сито райкомов и райисполкомов, которые не просто утверждали их, но и исправляли «ошибки».

Общий контроль за этим процессом осуществляли обкомы КПСС. К числу «ошибок», например, относилось то, что не во всех случаях предусматривалось сокращение приусадебных участков для «недобросовестных колхозников». Не одобрялись попытки колхозников установить социальное обеспечение по старости, инвалидности, временной нетрудоспособности без учета экономических возможностей колхозов. Неприемлемым считалось и то, что колхозы стремились узаконить выдачу дополнительной оплаты от валовой продукции независимо от выполнения плана. Подобные «ошибки» в уставах расценивались партийными органами как проявление иждивенческих, мелкособственнических и рваческих настроений.

Обращает на себя внимание и дальнейшая бюрократизация колхозной жизни. Уже в 1950-е годы в укрупненных колхозах росла власть председателя. С его ведома происходили исключение и прием в члены колхоза, установление норм оплаты по трудодням, денежное авансирование, определение размеров приусадебного землепользования, выделение на нужды колхозников кормов и стройматериалов. Прерогативы председателя традиционно распространялись дальше хозяйственных отношений с колхозниками. Его волевые отношения проявлялись иногда в откровенно феодальных формах: запрещение неугодным колхозникам молоть зерно на колхозной мельнице, лишение

права выпаса скота, отказ в подключении электроэнергии в дома селян, применение незаконных денежных штрафов и даже физического насилия [11]. Мнение и авторитет председателя колхоза значили куда больше, чем Устав сельхозартели.

Примечательно и то, что во многих случаях, особенно в кампаниях за ограничение личных приусадебных хозяйств колхозников, председатели часто проявляли себя сторонниками жесткой линии. Их позиция в этом вопросе порой была более радикальной, чем у партийных органов. В высказываниях председателей встречались сетования на то, что обычных способов воздействия на трудовую дисциплину не хватает. Раздавались требования к государственным, главным образом, правоохранительным органам помочь суровыми методами навести порядок в колхозах [12].

Впрочем, роль председателей нельзя видеть лишь в отмеченном ракурсе. Как известно, многие «крепкие» колхозы держались именно на инициативе их лидеров, на том, что они в обход указаний и запретов со стороны партийных и ведомственных органов самостоятельно принимали нетрадиционные хозяйственные решения, проявляли предпринимательскую инициативу [13].

И все же, в целом, говорить о преодолении внеэкономических отношений в колхозах в 1950-1980-х гг. не приходится.

Безусловно, отмеченные явления вызывали (в той или иной степени и форме) недовольство крестьян. Однако, как правило, оно редко находило продолжение в активных действиях. В поисках помощи и защиты крестьяне исходили из собственного понимания справедливости и ориентировались, прежде всего, на доброту и снисхождение того, к кому они апеллировали. Весьма редко крестьяне оспаривали решение колхозной администрации через суд. В основном они обращались в высокие партийно-советские инстанции. Как правило, речь шла о частных случаях.

Ссылки на общественное мнение, на крестьян в таких жалобах почти не встречались.

Обращение сельских жителей со своими проблемами в центральные органы являлось часто свидетельством недоверия местным властям, бессилия перед бюрократическими инстанциями. Не случайно в письмах, направленных в Москву, как правило, встречалась одна и та же просьба не возвращать жалобу обратно в район на рассмотрение местных руководителей [14].

Случаи коллективных действий колхозников в отстаивании своих прав были немногочисленными. Такие эпизоды рассматривались партийными органами как происшествия [15]. Наоборот, реорганизованные колхозные собрания, превращенные к концу рассматриваемого периода в собрания уполномоченных, должны были свидетельствовать об эффективной воспитательной работе партийных организаций. Так симптомы социальной апатии выдавались за высокую сознательность сельских тружеников.

Своеобразным показателем ухудшения общественной ситуации, потери интереса селян к труду и общественным проблемам явилось распространение в деревне различного рода асоциальных явлений, прежде всего, пьянства. Уже к началу 1960-х гг. потребление колхозниками спиртных напитков увеличилось повсеместно и составило в ряде областей от 3 до 4 литров на душу населения (в 1947 г. этот показатель составлял 600 гр.) [16]. В обзоре корреспонденции с мест, направленном в 1965 г. редакцией газеты «Сельская жизнь» в отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС, вырисовывалась удручающая картина. Факты свидетельствовали, что со времени принятия партийно-правительственного постановления о борьбе с пьянством (декабрь 1958 г.) в ряде регионов продажа спиртных напитков на душу населения увеличилась в 1,5 раза. Отмечался рост самогонварения. Корреспонденты газеты и сельские жители приводили

многочисленные примеры несчастных случаев и преступлений, произошедших на почве пьянства [17].

О разочаровании крестьян в своем положении в деревне говорил также миграционный отток сельского населения в города, усилившийся с конца 50-х гг. Отъезд селян в 50-е годы происходил, несмотря на сохранение паспортных ограничений для колхозников. Встречая чаще всего немотивированные отказы правлений колхозов выдать справку, необходимую для получения паспорта, поступления на учебу, найма на сезонные работы и т.д., крестьяне оставляли за собой право самовольного ухода. В конечном счете, это привело к окончательному уравниванию крестьян в праве на свободное передвижение с городскими жителями.

Обобщая сказанное, можно заключить, что по-настоящему качественных изменений к лучшему в общественной ситуации в деревне в 50-х гг. не произошло. Не подтверждается документально и бытовавший в общественно-политической литературе тезис об активной и широкой поддержке крестьянством проводившихся на селе преобразований.

На наш взгляд, в немалой степени здесь сказалось традиционное коммунистическое восприятие крестьянства как сугубо консервативной силы, сохранявшее актуальность и в 1950-х годах. Кстати, косностью, отсталостью крестьян объяснялись многие проблемы духовного порядка. Так, к примеру, А. Микоян полагал: «великорусский шовинизм будет, пока будет крестьянство» [18].

Традиционная покорность крестьянства перед властями, неразвитая правовая и политическая культура проявлялись в том, что даже свои ближайшие, непосредственные интересы жители деревни защищали пассивными способами. Признаки общественной апатии, разочарования крестьян в своем положении все явственнее ощущались с конца 50-х гг.

Между тем, функции прогнозирования и предотвращения негативных социальных и духовно-нравственных последствий аграрных

преобразований не могла выполнить и общественно-политическая мысль. Во-первых, систематическое изучение социальных процессов в советской деревне в 60-х гг. только началось и шло весьма трудно. Во-вторых, апологетика и сциентизм в публикациях по этой проблематике брали верх над критическим подходом. Ученые и публицисты долгое время не решались открыто признать прямую связь между аграрной политикой и неблагоприятными социальными тенденциями в деревне. Наконец, какого-либо заметного воздействия на политический курс правящей партии со стороны научной общественности не было. Поэтому даже вскрытые противоречия в социальной сфере деревни, возникшие в 50-80 гг., не были учтены в политической практике и в последующие десятилетия.

Лишь отчасти это положение было скорректировано в связи с реальным улучшением положения в деревне во второй половине 60-х годов.

Основной вектор эволюции крестьянства с 1960-х годов был связан с расширением инвестиций в аграрный сектор, а также связанными с этим курсом на повышение образовательного и культурного уровня сельских тружеников. В частности, признавая центральной фигурой на селе механизатора, руководство партии и страны делало действительно многое для расширения масштабов подготовки и эффективного использования труда трактористов, комбайнеров, шоферов, ремонтных рабочих.

Однако сохранение разрыва в уровне и качестве жизни горожан и селян не позволило радикально переломить ситуацию.

Оживление социальных процессов в деревне, определенная «расконсервация» ее уклада жизни происходили при сохраняющемся отставании деревни от города по многим важнейшим параметрам. Это вело к сокращению естественного прироста населения, усилению оттока из деревни наиболее квалифицированной и образованной части жителей, к ухудшению морально-психологического климата, нарушению семейно-

родственных связей, деформации отношения к труду. Факторами раскрестьянивания порой оборачивались даже определенные положительные сдвиги в социальном и культурном развитии деревни.

В 1960-1970-е годы, на наш взгляд продолжалось падение престижа в глазах сельской молодежи не только крестьянского труда, но и профессий специалистов (агронома, зоотехника и пр.). Проучившись в городе и получив специальное образование, молодые люди не находили удовлетворения своим материальным и культурным запросам в деревне. В данной связи, в колхозах все более остро обнаруживал себя дефицит кадров. Причем положение в данной сфере улучшалось весьма медленно. В частности, в Краснодарском крае в 1970-х годах для преодоления существующей проблемы практиковались различные формы поощрения для вступающих в колхозы (выдача мотоциклов, бытовой техники и пр.). К концу 1970-х также широкое распространение получили всевозможные почины-призывы идти в сельское хозяйство (оставаться в колхозах всем классом и пр.).

Отмечая наличие несомненных проблем, было бы упрощением объявлять 1960-1980-е годы временем сплошной стагнации и непрерывного кризиса российской деревни. В общем процессе отмечались и тенденции к позитивным сдвигам в культурном устройстве села. На наш взгляд, период 1970-1980-х годов по масштабам социокультурных преобразований села вообще был лучшим в рамках XX столетия. Благодаря этому в уровне потребностей и духовных запросов сельского населения произошли глубокие изменения, которые оказали влияние на весь культурный процесс. И все же, несоответствие усилий государства возросшему культурному уровню масс, постоянное вымывание из деревни людей, обладавших высоким уровнем образования и профессиональной подготовки, вело к тому, что преобладающая часть сельских тружеников по-прежнему была занята малоквалифицированным ручным трудом. В

свою очередь, устаревшая просветительская, культурная практика работы, несмотря на многочисленные поиски новых форм и эксперименты, оказалась нежизнеспособной.

Процессы, в основе своей отразившие нарастание социальной апатии, все более очевидно проявлялись с конца 1970-х годов. Элементы застоя, питавшие недовольство крестьянства, в частности, отразилось в критических письмах в прессу. К примеру, именно «недовольство местных жителей», нашедшее отражение в публикациях «Советской России» 1979-1980 гг., в конечном счете, позволило состояться «делу Железной Бэллы» (1982 г.) - управляющей Геленджикским трестом ресторанов и столовых [19], привело к разоблачению целого ряда партийно-советских руководителей края.

К концу 1980-х годов реалии России, в том числе, сельского населения Кубани, определял глубокий духовный вакуум, порожденный кризисом базовых системных устоев существующей системы. Ожидание перемен питало рост протестных настроений, параллельно создавая благодатную почву для эскалации различного рода общественных заблуждений и иллюзий. В частности, это нашло отражение в определенной (хотя и относительно кратковременной) популярности откровенно деструктивных сил, в том числе, нечистоплотных политиков. На Кубани среди таких одиозных дельцов новой волны рубежа 1980-1990-х годов стал небезызвестный О. Калугин.

Рассматривая нарастание процессов социальной деструкции, следует признать, что к началу 1990-х гг. население России, в том числе сельское, во многом утратило центральную для СССР идею советскости, не приобретя взамен ничего. На данном фоне духовный и идейный вакуум не смогла заполнить поначалу сверхпопулярная, однако быстро дискредитируемая идея «демократии», в 1990-е годы превратившаяся в откровенный фарс.

На этом фоне в повестку дня 1990-х годов был остро поставлен вопрос о необходимости самоидентификации населения нового государства, что косвенно нашло отражение в бесплодных популистско-бюрократических поисках «национальной идеи». Однако ее так и не удалось сформулировать.

Полагаем, что центральное значение здесь имела деградация национального самосознания русского народа. Социологические опросы начала 1990-х годов показали, что даже в условиях развала СССР и вспышки межнациональной розни для 50% русских селян, участвовавших в опросах, не имели значения ни собственная национальность, ни национальность окружающих [20]. На наш взгляд, для понимания позиции крестьянской массы россиян немалый интерес представляет трактовка В.Д. Соловья, считающего, что: «На протяжении длительного времени (по меньшей мере до конца 1960-х гг.) русские воспринимали свою решающую роль в социалистической модернизации и даже собственную дискриминацию в пользу других этнических групп как естественное положение вещей. Для них это было проекцией их собственной силы, исторической миссии и чувства ответственности. ... Проще говоря, у русских брали потому, что они внутренне готовы были отдавать. Это характерный парадокс истории, когда сила оборачивается против ее носителя» [21].

На наш взгляд, совершенно очевидно, что деградация идеи национальной идентичности на фоне усиливавшегося с 1950-х годов стремления к индивидуальному материальному успеху, в конечном счете, и разрушило Советский Союз.

Литература.

1. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 46. Л. 217.
2. РГАСПИ. Ф. 599. Оп 1. Д. 102. Л. 36.
3. См.: История СССР. 1991. №3. С.200-202.
4. Новый мир. 1956. №1. С.305.

5. См.: Луковцева Т.А. Поиск путей обновления общества и советская литература в 50-60-х годах // Вопросы истории КПСС. 1989. №1. С.48-49.
6. Черниченко Ю. Учитель. // Овечкин В.В. Сочинения. Т.1. М., 1989. С. 7.
7. См.: Лисичкин Г. Гектары. Центнеры. Рубли //Новый мир. 1965. №9. С.214-221.
8. Правда. 1954. 21 марта; Партийная жизнь. 1965. №10. С. 15.
9. Коммунист. 1964. №1. С. 78.
10. КПСС в резолюциях ... Т.9. М. , 1986. С.91-97.
11. РГАСПИ. Ф.591. Оп.1. Д.169. Л.48, 188, 189.
12. РГАСПИ. Ф.556. Оп.1. Д.151. Л.94-95.
13. См.: Октябрь. 1957. №11. С.210.
14. См.: РГАСПИ. Ф.591. Оп.1. Д. 166. Л.Л. 51, 54, 61, 68.
15. См.: XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991. С.281.
16. Безнин М.А. Материальное благосостояние колхозной семьи в Нечерноземье (1950-1965 гг.) // История СССР. 1989. №1. С. 57.
17. РГАСПИ. Ф.591. Оп.1. Д.169. Л.Л. 44-46; 165, 185, 190.
18. Барсенков А.С. Вдовин А.И. История России. 1917-2004. М., 2005. С.139.
19. Без грифа «секретно». Из истории органов безопасности на Кубани: очерки, ст., док. повести. Краснодар, 2007. С.665.
20. Ранкур-Лаферьер Д. Россия и русские глазами американского психоаналитика. В поисках национальной идентичности. М., 2000. С.53-54.
21. Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008. С.163.